

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П-48

Владимир Покровский
ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

*Издательство благодарит Сергея Шикарева
за помощь в подготовке издания*

Художественное оформление Василия Половцева

Покровский, Владимир Валерьевич.

П-48 Персональный детектив: [фантастический роман] / Владимир Покровский. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 800 с. – (Фантастика Будущего).

ISBN 978-5-17-161455-3

В далеком будущем жизнеобеспечением людей занимается моторола — обладающий сознанием искусственный интеллект. Цель моторолы — контролировать каждый шаг любого человека. Но на его пути к абсолютной власти встает Доницетти Уолхов, посвятивший жизнь борьбе с моторолами. А по следу Дона идет его персональный детектив Кублах, в мозг которого вживлено устройство, способное отыскать преступника и подчинить своей воле.

Чтобы скрыться от преследователя, Дон соглашается на Инсталляцию: его сознанием и воспоминаниями наделяются все взрослые обитатели планеты Париж-100. Однако и у инициатора Инсталляции, сумасшедшего изобретателя Фальцетти, и у планетарного моторолы есть свои планы на Доницетти и его многочисленных копий — донов.

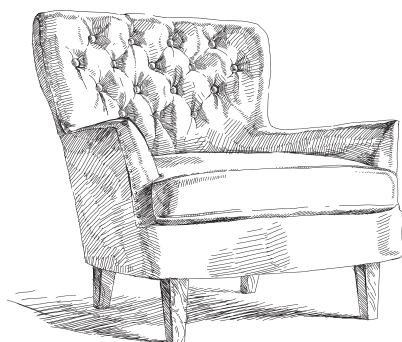
УДК 821.161.1-312.9
ББК84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161455-3

© Владимир Покровский, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Книга первая

Инсталляция

ГЛАВА О. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ УЛОЖЕНИЯ [ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ]

1. Моторола есть необходимый элемент существования крупного человеческого сообщества.

2. Любой моторола может предугадать практически все, что происходит в его мониторной сфере. Он все знает и всем управляет. То, чего моторола не может предсказать, незначительно и драматического влияния на события не оказывает. Если даже происходит нечто, моторолой не предсказанное, такое, что влечет за собой существенные непредусмотренные последствия, то эти последствия контролируются моторолой и, будучи управляемы, в конечном счете работают на главную объективу моторолы — благополучие людей, находящихся в его мониторной сфере.

3. Все трагедии, происходящие в мониторной сфере моторолы, заранее им предугадываются, а в некоторых случаях даже намеренно им создаются; но это означает, что любой другой исход имел бы куда худшие для людей последствия.

4. Итак, моторола все знает, все может и все способен предугадать.

5. Моторола всегда прав.

6. Поскольку моторола всегда прав, глупо со стороны разумного человека противопоставлять ему свое мнение.

7. Для разумного человека глупо не следовать рекомендациям моторолы, даже если эти рекомендации кажутся ему нелогичными.

8. Абсолютное большинство рекомендаций моторолы принципиально непознаваемо.

9. Человек может пренебрегать рекомендациями моторолы, однако не следует злоупотреблять этим правом: даже если рекомендации моторолы идут вразрез с человеческой этикой (что случается крайне редко и только в случаях высокой важности — см.), толкают человека на поступок, кажущийся ему аморальным, все равно — неследование рекомендациям моторолы приведет к последствиям более трагическим; ибо что важнее: моралитарият одного конкретного человека или благополучие всех людей в мониторинжной сфере данного моторолы?

10. Моторола не может быть аморален, его рекомендации олицетворяют мораль более высокого порядка, чем мораль отдельной личности.

11. Моторола служит людям, и потому люди должны беспрекословно следовать рекомендациям моторолы, в чью мониторинжную сферу входит ареал их проживания.

12. Преступление против моторолы есть тягчайшее преступление против человечества.

ГЛАВА 1. ТАУЭР

Пэн-4 был точно таким, каким Дон неоднократно видел его в информационных стеклах, — старый, поросший мхом замок на полусферическом острове, подпираемом двумя сильно потрескавшимися слонами. Утверждают, что прежде слонов было четыре, но при первом хозяине два каким-то образом откололись и отправились в свободное космическое плавание. Восстановить их тот не удосужился, а Пэн-департамент, перекупив Усадьбу, не собирався этого делать вообще.

На черном космическом фоне старинный, словно сошедший с бумажных страниц, замок смотрелся дико. Дон сказал себе, что он такой эстетики совершенно не понимает.

Его тронули за плечо.

— Подходим. Собирайся, Уолхов!

Коннет Аршелл — пожилой, лет за сто двадцать, охранник с бульдожьей физиономией, с которым за время после суда они успели чуть ли не подружиться, — терпеливо и внимательно наблюдал за тем, как Дон хлопает себя по карманам в поисках разрешенного мемо; как, обнаружив его, наконец, на свободном кресле рядом с собой, начинает скидывать в стандартную коричневую котомку разбросанные в беспорядке ничего не значащие вещицы. Потом, согласно приказу, Коннет составит рапорт, в котором точно воспроизведет порядок собираемого имущества: носовой платок (с вечными своими насморками Дон никогда не обращался к Врачу и уж тем более к мотороле), странную какую-то игрушку сложной формы и непонятого назначения, строжайше запрещенный, но почему-то не отнятый наркоплейер, еще всякую дрянь. А позже, вернувшись, старый охранник будет рассказывать приятелям и родным, каков он из себя, Дон.

В общем, ничего такого особенного. Высокий. Худой. Чернявый. Нос горбатый, глаза все время щурит. Не подозрительно щурит, а словно вглядеться куда-то хочет. Хотя, по совести если, куда там вглядываться, когда тебя в Четвертый Пэн отправляют? И сморкается. И все время игрушку свою в руках вертит, не иначе как магия. Повертит-повертит — и отбросит, через минуту искать начинает, злится. То молчит мёртво, то с разговорами приставать начинает. И странные какие-то разговоры. Половина простая, а другую половину ну никак не понять. Ле-

пет идиотический. А, казалось бы, такой известный человек, просто удивительно даже.

При подходе к Пэну вегикл сильно трянуло. Дон поморщился, но ничего не сказал. Он заговорил, когда уже совсем сели.

— Прощай, Кон, — сказал он охраннику, — больше ты меня не увидишь. Но услышишь обязательно. И скоро. Это я тебе гарантирую. Ты мне понравился, правда.

Обыкновенная, ровным счетом ничего не значащая формула прощания, распространенная в Северных территориях, прозвучала как признание в уважении. Коннет с достоинством кивнул.

— Ты мне тоже понравился. Правда, — ответил он, потому что тоже был родом с Северных территорий. — Не скучай там, в Пэне. Не так уж там и дурно. Если только наружу не хочешь.

— Я хочу, — сказал Дон. — Я всегда наружу хочу. Мне в этом Пэне скучать не придется. Это я тебе гарантирую.

— Себе гарантируй.

— Ну, конечно. Себе.

Пэн-4, несмотря на архаический вид, относился к числу современных пенитенциарных заведений, где служащие не утруждают себя формальностями. Никто не вышел встречать арестанта, никто из сопровождающих не спустился вместе с ним из вегикла. Входной люк зарос сразу же, как только Дон ступил на швартовочную площадку; вегикл оттолкнулся всеми шестью пальцами и мгновенно исчез в черноте космоса. Подобно ему, при желании мог исчезнуть и Дон — наружной гравитации у космического замка практически не было. Но так сбегать он не планировал.

Края Пэна были обсажены аствариумом — деревьями, способными расти в безвоздушном пространстве. Дон не любил аствариумы за их неестественно металлический вид. Мертвое, притворяющееся живым, куда ближе человеку, чем живое, притворяющееся мертвым. Еще хуже, когда это живое притворяется плохо. Перед самым замком было открытое пространство — примерно четверть мили острых камней, густо поросших искусственным «изумрудовым» мхом. Фонари с равномерно расставленных мачт освещали всю эту природу мертвенно-белым светом, от которого немного кружилась голова.

Замок — Дон чертыхнулся с презрением и досадой — был окружен древневековым рвом, в котором тускло отсвечивала якобы вода. Перепрыгнуть через ров ничего не стоило, но это было неудобство, потому что следовало рассчитать прыжок так, чтобы ненароком не улететь в пустоту.

— Ну что?! — крикнул Дон. — Кто-нибудь меня встретит, или это для меня прогулка бессрочная? У меня воздуху только-только на сутки хватит. И в сортир надо!

Тут же раздался голос:

— Иди и не ёрничай!

Дон пожал плечами и осторожно поскакал ко рву. Как только он приблизился, откуда-то сверху опустился горбатый мост со ступеньками, тоже — разрази меня Сверхновая, если вру! — поросший «изумрудовым» мхом.

В дугу пьяный подкомандер промычал что-то вроде: «Добро пожаловать, уже ждут», — и снова уткнулся бычьим взглядом в тошнотворное порно-стекло — как и везде в подобных местах, с женщинами у персонала Пэна-4 были проблемы. В комна-

те, на которую подкомандер указал пальцем, Дона действительно ждал надменный мозгляк в фуражке с бляхами чуть ли не адмирала.

— Я Сторс, так и называй меня — Сторс, никаких чинов, никаких «господинов» или «дружищев», — громовым басом отчеканил мозгляк. — Будешь жить с нами все двадцать восемь лет. Не пытайся убежать или умереть — бесполезно. Ты в космосе и даже не знаешь где. Ты не имеешь права покидать пределы замка, ты не имеешь права не откликаться, когда к тебе обращаются, ты не имеешь права отказываться от выполнения приказов и всех пунктов Распорядка. В дополнение к стандартным ограничениям ты, Доницетти Уолхов, лишен права обращения к мотороле.

— Что? — взвился Дон. — Да как вы смеее? В приговоре насчет этого ничего не было, это ущемление естественных прав. Вас за это самого сюда посадят!

— А я и так здесь, — широко ухмыльнулся мозгляк. — И еще семнадцать лет никуда не денусь.

Возмущение Дона было наигранным. Он догадывался, что его ни за что не допустят к общению с моторолой Пэна-4. Глупо было подпускать к чуть ли не низшему мотороле человека, который трижды вступал в противоборство с планетными администраторами и приводил их в негодность.

Немного поцапавшись с мозгляком и для виду пару раз воззвав к мотороле, Дон вышел во внутренний двор Пэна. Древневековости, слава богу, здесь уже не было. Типовое голубое небо с земным солнцем и кордианскими облаками — слишком нежно-белыми, слишком пушистыми для какого-нибудь другого места, кроме курортной планеты; аккуратные палисаднички, живая изгородь по строго квадратному периметру; раздражающее завывание

неисправного уборщика где-то там, между ровными рядами кустов, и скамейки с узкими сиденьями алмазной твердости, с вертикальными жесткими спинками. «Их делали, — подумал Дон, — для чего угодно, только не для того, чтобы удобно на них сидеть».

Во внутреннем дворе никого не было.

— Эй! — крикнул Дон в никуда. — А как насчет моей койки?

И перещелкнул что-то в своей игрушке, которую из рук ни разу не выпустил с тех самых пор, как ступил на территорию Пэна.

Моторола Пэна-4, как и все прочие моторолы, которыми пользовался Общий Пэн-департамент, был сравнительно маломощен, имел всего четыре действующих пирамиды интеллекторов, причем основная их интеллектуальная мощь оставалась, как правило, не востребованной — на самом деле любому Пэну за глаза хватило бы и простого бортового устройства.

Это было неправильно, однако при последнем генеральном переоборудовании, за двадцать лет до описываемых событий, Департамент, несмотря на все рекомендации, на бортовых моторол не соглашался: те были менее престижны, чем четырехпирамидные, а в битве с розыскниками за дотации это имело очень большое значение. По прикидкам Пэн-коллегии, большой заказ на бортовые моторолы мог привести даже к нежелательной смене ее министра.

Тогда партия четырехпирамидных моторол победила, выставив главным доводом необходимость обеспечить как можно больший запас надежности Пэнов. Адвокаты Пэн-коллегии с легкостью отмели возражение Деп-розыска о том, что нет на свете че-

ловека, способного переиграть бортового моторолу, а стало быть, и нечего заводиться. Не повлияло на решение и то обстоятельство, что тезис о невозможности для человека переиграть бортового моторолу был вынесен на основе моторольных экспертных оценок, а моторола, как известно, непогрешим.

Сейчас четырехпирамидная партия, если бы таковая существовала, могла бы торжествовать — люди, способные вступить в противоборство с моторолами, появились, и в немалом количестве. Одним из них — может быть, самым лучшим — был Доницетти Уолхов, которого несколько раз арестовывали за намеренную порчу моторол высокого уровня, признали преступником первой категории и потому удостоили чести иметь собственного персонального детектива, о котором потом.

Простой четырехпирамидник был для Дона легкой добычей — именно поэтому Пэн-министр Урзус Базилио Патикум-Грит пошел на конституционное нарушение и запретил Дону общение с моторолами на полный срок заключения. Дон теоретически мог апеллировать в кучу инстанций, но практически у него не было ни единого шанса — таких, как он, в инстанциях ненавидели еще больше, чем моторол. Причем ненавидели открыто и с полным правом.

Их называли новыми хнектами, их называли геро-стратиками, в глазах всего мира они были преступниками наиопаснейшими; их проклинали, их ненавидели, ими — что, в общем, понятно — бессознательно восхищались.

Большинство хнектов Дон, как правило, и сам презирал: свои таланты, свои знания они тратили на то, чтобы намеренно делать людям гадости, желательно исподтишка. Он вел войну с моторолами по идейным соображениям. Люди сами должны решать свои проблемы, считал он, а тепличная жизнь

под сенью моторол может привести только к их вырождению и неминуемому вымиранию. Хотя иногда, в проблемные минуты, он вдруг приходил к мысли, что ничем не отличается от тех, кого презирает, — ничем, даже намерениями. Опять-таки очень смущали Дона любые идейные соображения, даже собственные.

Последний приговор был особенно суров. Ассоциация планетных моторол в своем Обращении выразила Верховному суду Анды — планеты, где побуйствовал Дон, — «глубочайшую признательность и полнейшее понимание». Судьи, надо думать, тайно поморщились; во всяком случае, никак официально на Обращение не ответили. Это был тот самый случай временного перемирия в подковерной и оттого особенно яростной войне лидеров человечества и представителей надинтеллекторного сообщества. Уолхов разозлил судей даже не тем, что напрочь испортил только-только обновленного моторолу Анды и на неделю лишил планету энергетических источников (о транспортном и информационном хаосе речь даже и не шла, разве что во вступительном слове главного обвинителя); их разъярило то, что преступник, уже «поставленный» на персонального детектива, уже дважды им тут же отловленный, то есть не имеющий ни малейшего шанса избежать наказания и прекрасно это осознающий, несмотря ни на что, принялся за старое, причем в особо жестокой и циничной форме. Оставалось утешаться тем, что никто из подопечных испорченного моторолы все-таки не лишился жизни. Судьи даже представить себе не могли, что отсутствие смертей — не удивительная случайность, а итог точного и кропотливого расчета, предварительно произведенного Доном. Он, в свою очередь, тоже помалкивал — чтобы избежать пропаганды своих ноу-хау

и понимая к тому же, что даже если ему поверят, то наказание от этого не уменьшится, уж слишком сильно он разозлил андиан.

Пэн-4, несмотря на восьмидесятипроцентную загруженность, казался пустым. Это тоже было следствием программы предосторожностей, предпринятых моторолой, которого изрядно испугало появление такого мощного противника.

Ни один человек на свете не может сравниться по уровню логического мышления даже с самым слабеньким моторолой. Ни один человек на свете даже близко не может подойти к пониманию основных процессов, протекающих в интеллекторных пирамидах моторолы. Единственное, что доступно человеческому уму, — базовые принципы емкостного мышления. И единственное, в чем человек может вступить с моторолой в соревнование, — интуиция, короче говоря, нюх.

Интуиционные механизмы человека и моторолы в корне разнятся. Как правило, интуиция моторолы на много порядков превосходит человеческую. Однако — на этом строится вера в Бога, этим объясняется патологический атеизм всех без исключения интеллекторных существ — у очень редких людей интуиция по невыясненным до конца причинам позволяет им порой глубже и точнее проникать в суть вещей и (как гласит секретная формула Счастливого Пэдди — одного из первых хнектов-разрушителей, создателя общества «Мамма-Г») конструировать правильные события.

Дон умел их конструировать — именно это пугало моторолу Пэна-4. Он старался сделать так, чтобы Дон не имел возможности свое умение проявить. В нарушение законов, моторола пресек все контакты с новым узником. Он также предпринял несколь-

ко других шагов — в частности, постарался свести к минимуму контакты Уолхова с другими постояльцами Пэна.

Первые недели заключения Дон находился в полном одиночестве. Куда бы он ни пошел, там было пусто. Если он направлялся в спортивный зал, за пять минут до того все находящиеся там заключенные вдруг находили себе срочные дела (подсказанные, естественно, моторолой) и разбежались в безумной спешке. Если Дон просто шел по коридору апартаментов, заключенные, следуя настойчивому совету моторолы, либо запирались с намерением никому не открывать, либо убегали по незначительному поводу или вообще без него. Даже танцзал узаконенного «мягкого нарко» в часы, назначенные для игр, мгновенно пустел, если туда вдруг направлялся Доницетти Уолхов. Моторола, даже такой, всего лишь четырехпирамидный, тоже умел конструировать правильные события. Ему это было легко — почти любой человек верит мотороле как Богу. Человек — хозяин мира, но, божежмоечки, как сильно этот хозяин стремится подчиняться своим рабам!

Дон про себя многообещающе усмехался, а наружно изображал сильную нервозность.

Не иметь непосредственного контакта с моторолой, как уже говорилось, было нарушением Конституции Ареала — Дон даже из тюрьмы вполне мог бы возбудить судебный процесс со стопроцентной вероятностью его проиграть.

Все, правда, пошло бы по-другому, если бы в результате этого конституционного нарушения заключенный Доницетти Уолхов перенес физическую или психологическую травму — в таком раскладе в игру могли бы включиться другие чиновники, что привело бы по меньшей мере к смене моторолы и начальства Пэна-4 или вообще к признанию пригово-

ра Уолхову недействительным, а это затронуло бы многие департаменты.

И Дон, уж будьте спокойнички, прекрасно такой расклад понимал. И еще одну вещь он понимал совершенно точно: ни при каких обстоятельствах моторола не может оставить без надзора ни одного из своих подопечных. Другими словами, за всем, что делает заключенный, за всем, что он говорит, моторола, хочет он того или нет, пристально обязан следить. А это есть пусть односторонний, но все же канал связи и, следовательно, возможной битвы, итог которой никто предсказать не в состоянии.

Именно поэтому Дон изображал нарастающую нервозность. Именно поэтому он как можно меньше спал, как можно больше рыскал по Пэну в поисках собеседников, как можно убедительнее изображал приближение сильного нервного срыва.

Наконец, в момент, угаданный с большой точностью, он вскочил с кровати голый, с безумным взглядом, раскинул руки в стороны и с истошностью завопил:

— Моторола Преступный! Ты меня слышишь? Ты не имеешь права оставлять меня в одиночестве! Они задавят меня, если я буду один, ты не можешь этого не понимать! Мне нужен кто-то, моторола, кто-то, с кем я могу разговаривать, иначе я труп!

И упал, и в истерике натурально забился.

Моторола, к тому времени уже немного подпорченный (речи и неменяемая мимика заключенного, которую он, хочешь не хочешь, старался разгадать — хоть и догадывался об их причине, — повысили ему общий индекс нерешительности), по размышлению согласился. И на следующий день стат-командер Артур де-Ново, изображающий супернаильника по имени Андрато де-Никс, был застигнут Доном в стеклотеке. После чего оба направились в Земной